

"Раскулаченное" детство.

Воспоминания Иннокентия Кузьмича Безверхова.

Родился я 4-го февраля 1921 года в селе Б-Сереж Назаровского района Красноярского края. в крестьянской семье. Семья была такой: отец Кузьма Ефимович, мать Васса Петровна, братья Николай 1913 года рождения и Дмитрий 1924 г. рождения, сестра Анна 1918 года рождения.

Хозяйство: имели корову, лошадь, свинью. Отец был кузнецом, имел свою кузницу. Сеяли три десятины: пшеницу, рожь, овес, коноплю, лен, мак. Дети, подрастая, стали ^{стались} помощниками родителям.

Брат Николай после травмы стал инвалидом. С 12-летнего возраста у него был парализован левый бок. Отец возил его в 1923-24 годах в Томск на лечение. Профессор Мыш делал операцию, вскрывал череп. Левая нога отошла, а левая рука так и осталась высохшей. Страдал эпилепсией, но помогал отцу в кузнице. И на меня в 9 лет одели фартук, я стал кузнеценком.

Вот так мы и жили до коллективизации. Запомнился приезд уполномоченных по коллективизации. Фамилии их были: Аледировский и Кривицкий. Уговаривали отца, чтобы он шел в коллектив, но мать не соглашалась. Перед отъездом уполномоченные пришли к нам. Их хорошо угостили. Нили, ели и сказали отцу: "Вот, Кузьмича, у тебя два пути, или иди в колхоз или уезжай на производство, а иначе все равно тебя упекут". Но отец ответил: "Я для мужиков и так все делаю дешево". А Кривицкий согласился: "Мы знаем, чтобы оковать мельницу нужно брать не 50 рублей, а все 150. Но плохо, что ты в колхоз не идешь."

Когда они уехали, отец стал уговаривать мать и она согласилась идти в колхоз. Но на отце уже "поставили крест" и на воротах написали: "бойкот!". Отец написал заявление, пошел в сельсовет на собрание. Но приехали милиционеры, отца арестовали и увезли в Назарово. Судила отца тройка. Отец расписался

за три года сибулона. Увезли его в район Нококузнецка на строительство железной дороги. Он оказался в кузнице, ковал костыли, выполнял разную кузнечную работу. А у нас в это время описали все хозяйство, вещи, устроили торги, все с молотка продали, а нас — в ссылку. Привели нам лошадинку, даже узды не было. Соседи помогли, спасибо им. Кто дал сбрую, кто тележонку. Повезли нас через Ачинск, Боготол в Суслово. По Сусловскому тракту тащились обозом на Тегульдет. Из Тегульдета повезли за Чулым, на Киселевку. Двигался обоз очень медленно, по зеленой тайге, болотами. Рубили лес, делали настилы через болота. В Киселевке было всего 6 дворов, жили староверы-кержаки.

Жить пришлось в балаганах. У кого в семьях были мужчины, стали строить себе домишки, а мы еще были маленькие и стали строить балаган из дерна, бересты и пихтовой коры. Стекла не было. Мы взяли конскую брьюшину, очистили и обтянули рамку окна. у нас получилось оконце. Пол земляной, нары, на нары набросали травы. Вот и получилась постель. Посмотрели, как делали мужчины кирпич и мы давай мастерить. Сделали печку, она и обогревала наш балаган и мать готовила затируху.

Но запасы продуктов иссякли и наступил голод. Нам стали давать паек. На мать и брата Николая в месяц по 4 кг. муки, как иждивенцам, а нам, троим, по 8 кг., детский паек. Жиров никаких, соли 2 кг. Хлеба мы не имели права печь, а делали только болтушку, да затируху. Вот тут мы и обессилели и только лежали на нарах. Наковыряем еловой серы, натопим, сварим чай или с брусничником или малинником и жуем эту серу и припиваем чаем. Мать пойдет за водой на речку и падает с голоду.

Бабушка и дедушка, мамини родители, не вынесли, умерли с голоду. Сначала умер дедушка, после него умерла бабушка. Мужчины нам помогли, накололи и выгесали доски, сделали маломальские гроба. Но и у мужчин сил было мало. Могилы выкопали мелкие,

лишь бы гробы скрыло землей. Так и закопали.

Люди умирают, а хоронить некому. Где какая лошадь сдохнет, мясо растащат мужики, а кишки закопают в землю. А мы выкопаем, перемоем, очистим, сварим и едим. Слаще меду. Ведь голод не родная тетья.

Решили идти воровать к кержакам картошку. Нас поймали и в комендатуру. Комендант строжился, кричал, но мы в слезы: "Дяденька, мы же есть хотим!". Спросил комендант о семье, мы рассказали. Он пришел с проверкой к нам в балаган, посмотрел на нашу жизнь. Даже коменданту она показалась невыносимой. Брата Николая он поставил дежурить на поскотине, закрывать ворота, а мать определил в школу уборщицей и назначил рабочий паек, по 16 кг. муки на месяц. Нам стало полегче. Кое-когда мать стала печь хлеб, правда с коневником. Нарвем листьев, засушим, намнем, насеем. Все же какой-никакой, а хлеб, да какая-нибудь болтушка. А тут соседка пришла и говорит, что хлеб хорошо печь с гнилушками. Мы пошли, набрали гнилушек, засушили, натолкли, просеяли. Мать испекла хлеб, но он нам не понравился и опять взяли за коневник. Стали приезжать "сухарники", родные спецпереселенцев. Привезут хлеба, сухарей и кое-каких продуктов. Мы идем к счастливым, глядишь, и нам дадут кусочек хлеба или сухарь. А в один прекрасный день приехала и к нам тетя Ирина, родная сестра нашего отца, привезла нам продуктов. И мы малость отошли от голодной смерти. Да еще закололи нам на 3 семьи лошадь, у нас и мясо появилось.

В 1931 году приехал отец из лагеря, где пробыл 9 месяцев. Его отпустили, признали не виновным. Когда прибыл в Тегульдет, то обратился в комендатуру, чтобы забрать нас из ссылки. Ему не разрешили нас забрать, а предложили поехать кузнецом в поселок Сибиряк. Если согласен, то можно забрать семью из Киселевки. А в Сибиряке организовали пихтовые заводы, гнали

из пихтовой лапки масло. Нужно было делать холодильники и клепать котлы. Поселок Сибиряк был рядом с Чулымом, а Киселевка далеко в тайге.

Когда отец нас привез в Сибиряк, на квартиру взял Култышев, тоже Кузьма Ефимович. Стали работать в пром. артели на пихтовых заводах, гнали деготь, смолу; скипидар, а отец был в кузнице с братом моим Николаем. С питанием стало лучше. Появился настоящий хлеб, били дичь, косачей, рябчиков. Начальная школа была. Сестра закончила 4 класса, ее отправили учиться в Центрально-Полигон, за Тегульдет, где была семилетняя школа. Я закончил 4 класса. На меня сил у родителей не хватило. Бедность придавила. Стал работать в кузнице с отцом. Но когда через два года в Сибиряке открыли 7-летнюю школу, я пошел учиться в 5-й класс. Учился тяжело, особенно испытывал трудности по русскому языку ~~и литературе~~ письменно. Закончил 7 классов. Работал зав. клубом немного, затем в колхозе на разных работах и на вывозке леса. После чего меня направили от колхоза в Тегульдетское Загозерно. Работал грузчиком. Грузили зерно на пароходы, баржи.

В 1942 году направили на барже сопровождать зерно до Томска. Сестра закончила 7 классов, затем учительские курсы. Ее направили учительницей в деревню Порная Шарыповского района Красноярского края. Там она и вышла замуж.

В то время, когда я еще учился в пос. Сибиряк, комендантом был Замятин.

Отец работал в колхозной кузнице, был ударником, неоднократно получал премии, но тяжело заболел. Его, как хорошего работника, отпустили на лечение в Красноярский край. Он уехал и больше в Сибиряк не вернулся, а устроился на Саралинских приисках. Написал письмо, чтобы мы как-нибудь выбирались к нему. Мы решили бежать из ссылки. Отправили мать с братом Дмитрием на лыжах. Мы с братом Николаем остались. Когда мать

Все опасные места, где могли нас поймают, проглавали ночью и днем до Коммуналов.

с братом добрались до отца, то и нам написали, чтобы мы присоединились к семье. Брат Николай приготовил лодку. У нас была корова и свой дом. Бросили. Я сходил вечером на вечеринку, чтобы не было подозрений, что собираюсь в бега.

Ночью через болото вышли к Чульму, сели в лодку и поплыли вниз по Чульму. Там бросили лодку, купили тележку и пошли на Маринск. Маринск-Ачинск-Назарово и в село Большой Серж к отцовой сестре. Неделю прожили, отдохнули и отправились в Назарово. На поезде по Абаканской ветке доехали до станции Капьево и на машине — на Саралинские прииска, на Главстан, где все сошлись.

Отец работал в кузнице от Золотопродснаба. Прожили до 1937 года. В один из вечеров к нам в квартиру зашли два милиционера:

—Здесь Безверхов живет? — Отец ответил:

—Я Безверхов.

Начали обыск, но ничего не нашли. Мы, дети, и мать заплакали. Успокаивают: "Не беспокойтесь, он вернется!" И как увели его, больше от отца вестей не было.

А комендант Замятин разыскал нас, 3 братьев и с матерью увезли в г. Томск. в соцгородок. Там мы жили в бараке, а ходили работать на Черемошники, грузили пиломатериалы на вагоны. Работали до открытия навигации и нас под конвоем, на пароходе привезли в Сибиряк. Вот тут уж Замятин торжествовал: "Ну как, набегались?! Все равно я вам жить не дам!" Он, когда я учился в школе, гнал меня босиком по снегу, чтобы я нашел брата Николая, чтобы запахать холодильник для пихтового завода. Я не шел, так он вытащил наган и наставил мне в лоб. Кричит: "Застрелю!". А я ему говорю: "Стреляй!". Издевался, как хотел.

В 1942 году я возвратился из командировки в г. Томск. Сопровождал туда зерно от Тегульдетского Заготзерно. Приехал домой, отчитался, сдал сдаточный акт в Заготзерно. Дома женился, опять работал в колхозе до 1943 года. В 1943 году, в апреле, взяли в армию, а вскоре и фронт. Начал я свои действия в с г. Киева, 1-й Украинский фронт. Освобождали города Радомышль, Луцк, Дубно, Ровно, Радзевиллов, местечко Подкамень. Это Львовское направление. Нас перебросили в Бесарабию, г. Бельцы под Яссы, пошли в наступление, уничтожая Яссовско-Кишиневскую группировку. Перешли через реку Прут, вступили в Румынию, прошли с боями всю Румынию, вступили в Венгрию, дошли с боями до Будапешта, освободили Будапешт. В 1945 году в феврале немец бросил в контрнаступление королевские тигры и нашу истребительную противотанковую бригаду направили на уничтожение танков в Секеш-Вервари. Здесь меня ранило и тяжело, снарядом перебило бедро левой ноги и лучезапястный сустав правой руки. Увезли в эвакогоспиталь г. Хотьвань. Здесь под наркозом сделали операцию, загнули в коксит и руку тугор. В санпоезде вывезли в Советский Союз.

Ранило меня 19 февраля 1945 года. Через 6 месяцев комиссовали домой по 2-й группе инвалидности. Когда я находился в г. Будапеште, зять приехал из Красноярского края и увез мать из Сибиряка. И опять комендант Замятин разыскал мою мать. По его настоянию мать арестовали и посадили в Минусинскую тюрьму, потом перевезли в Ачинскую, затем в Новосибирскую тюрьму.

Когда мне пришло письмо, что мать находится в тюрьме, пошел к начальнику политотдела. Подполковник Ведерников написал военному прокурору Тегульдета о том, что я, сын Вассы Петровны Безверковой, нахожусь в действующей армии, на фронте, в подведомственном ему подразделении, имею правительственную

награду, к службе отношусь добросовестно. Он приказывал освободить из тюрьмы гражданку Безверхову.

Мать разыскали в Новосибирске и в сопровождении милиционера привезли в Тегульдет и отпустили в пос. Сибиряк, опять-таки с оговоркой, что до суда. И была потом повестка на суд на 1-е августа.

Я был в госпитале от Краснодара 40 км. в станице Усть-Лобинская. Там мне сделали 5 операций под наркозом. Извлекли из канала кости левого бедра осколок от головки немецкого снаряда 1,5 на 1,5 см.

1 августа 1945 года я приехал домой к семье в пос. Сибиряк. Я был, можно сказать, калекой. Рука еще была на перевязи, нога не гнулась в коленном суставе. Мать была больная, говорили, что порок сердца, ноги опухли, живот большой. С боем вытребовал у председателя колхоза Багно лошадь, чтобы свозить в Тегульдетскую больницу мать. Взял у брата Николая копию с той бумаги, которую писал начальник политотдела подполковник Ведерников. По приезду в Тегульдет, я пошел к прокурору и говорю ему: "Вы получали такую бумагу от подполковника Ведерникова?". Он говорит, что получал и выезжал в Сибиряк.

А дело было так. Председатель колхоза Багно отобрал у брата сено, накошенное для ~~своей~~ коровы, а огород, засаженный картошкой, перепахал под колхозную картошку. Прокурор приказал, чтобы он все возвратил, но ничего сделано не было. Теперь я спросил прокурора: "Вы знаете о том, что моя мать находится под судом? Вот повестка на суд на 1-е августа." И подал ему повестку. Прокурор посмотрел дело Безверховой Вассы Петровны и сказал, что от суда мать освобождена и в моем присутствии порвал повестку на суд. Я не вытерпел и заявил, что отомщу председателю колхоза Багно за издевательства над

моей семьей.

-Не самовольничайте. Я сам с ним расправлюсь по закону.

Когда я приехал домой, мне сказали, что Багно обвиняет меня в угоне лошади. Я пришел в контору:

-Ты чего говоришь, что я угнал лошадь и долго езжу, всего прошло 2 дня, а от Сибиряка до Тегульдета 35 км.

-Нет, Кеша, я ничего не говорил.

-Самосуда я не устрою, но тебе придется посидеть в тюрьме за твои зверские издевательства.

Я жену забрал из Сибиряка и уехал в Красноярский край, на станцию Ужур. Там кое-как устроился на работу, на железную дорогу, в ВРП-4, в качестве компрессорщика, да и то под наблюдением врачей, как инвалид 2-й группы. Дали мне однокомнатную квартиру. Поработал и попросился съездить за семьей. Выписали бесплатные билеты, как железнодорожнику, туда и обратно, а на мать и брата Николая, /они оставались еще в ссылке/, от Асино до Ужура.

В Томске я пошел к областному прокурору. Предъявил документы, что я прибыл из госпиталя инвалидом Отечественной войны 2-й группы, что выбрал место ^Мжительства станцию Ужур Красноярского края, что семья находится в спецпереселении в пос. Сибиряк Тегульдетского района. Спросил, могу ли я забрать мать и брата, тоже инвалида, и увезти к себе. Он отвечает, что могу, есть правительственное постановление по которому инвалид, возвратившийся с фронта, имеет право перевести свою семью по ~~жительство~~ месту жительства, которое он выбрал.

-Идите в областную ~~инспекцию~~ комендатуру и там Вам все сделают!

Когда я пришел в комендатуру, мне там отказали, заявили, что у них такого постановления нет. Обрато пошел к проку-

рору, обсказал ему. Он звонит по телефону и говорит:

— Сейчас же все сделайте и выдайте все нужные документы для его матери и брата. Что вы гоняете инвалида войны! Идите, они все сделают.

Я пришел в комендатуру. На сей раз отпечатали письмо райкоманданту Тегульдета Замятину /моему приятелю, повышенному в должности/. Прочитали мне, что было написано: "Выдать гражданке Безверховой Вассе Петровне и Николаю Кузьмичу пропуска до ст. Абакан." Я приехал в Сибиряк, сделал фотокарточки для паспортов матери и брата и поехал в Тегульдет, к своему "другу" Замятину.

В комендатуре дежурному сказал:

— Мне нужно к Замятину!

— Как фамилия?

— Безверхов.

Замятин услышал мою фамилию, идет.

— Кто тут Безверхов? А, Иннокентий, ну заходи в кабинет!

Я зашел, мы разговаривали:

— Тебя ранило, ты награжденный.

— Ты ведь тоже награжден, медаль "За боевые заслуги". Только на каком фронте воевал?

— Так ведь я работник НКВД, вот и наградили.

— Я привез письмо из области.

— Что за письмо?

Я ему отдал письмо, он прочитал и его заметно передернуло. Бросил на стол.

— Я говорил Георгию, что нужно по хорошему, а он увез мать воровски, — и ни тени смущения. Еще и говорит:

— Так вот, Иннокентий, ты стал фотографом. Дивай-ка оставайся у меня, будешь работать фотографом.

— Благодарю за приглашение. Готовь мне документы на мать и

брата и мы с тобой распрощаемся.

Получил я пропуска. Потом получил паспорта, приехал в Сибиряк, распродал, что было, самое дорогое — корова. Отдал все дешево. Из колхоза поехали до станции Асино. Мать посадил в сан закутал в одежду. Она была вся опухшая. Кое-как довез до ст. Асино, все боялся, чтобы не сняли с поезда. Просил мать: "Мама, как-нибудь крепись!".

Когда приехал в Ужур, сбегал за женой и мы мать под руки привели домой, а на другой день положили ее в больницу. Месяц пробыла в больнице. Все же поддерживали врачи. Помаленьку опухоль спала. Вот тогда мама сказала мне: "Миленький ты мой, сынок, спаситель ты мой, досталось тебе больших трудов и хлопот из такой неволи нас вытащить." Я ей только ответил: "Милая мамочка, это мой долг за твою материнскую заботу и воспитание."

В 1947 году врачи мне дали бесплатную путевку в санаторий Баржом-Ликани в Грузию. По приезду из санатория, когда я пошел к врачам, они мне сказали: "Отдыхай! Еще 15 дней по больничному, а потом придешь на прием". После отдыха мне заявили: "Не имеем права держать Вас на работе, инвалида 2-й группы". Уволили меня по состоянию здоровья.

В том же году мы переехали из Ужура на родину, в село Б-береж. Там я устроился на работу в промартель разъездным фотографом по Назаровскому району. Поработал фотографом до 1948 года, через год переехал в Читу. Там жил до 1961 года и перебрался в город Новосибирск. До 1968 года на заводе "Сибсельмаш", затем судоремонтный завод, работал заточником металлорежущего инструмента. Избирался депутатом городского совета 12-го и 13-го созывов. С 1986 года — на пенсии. Инвалид Отечественной войны, 2-й группы. Здоровье крепко подорвано. Фронт унес здоровье, было одно легкое ранение, контузия и последнее

тяжелое ранение. Да и ссылка здоровья не прибавила.

У нас с женой два сына, две дочери. Все выросли, определились, подарили нам 7 внуков, двух правнуков. Д

Мама и брат Николай умерли в г. Чите, сестра умерла в Назарово Красноярского края. Отца как взяли в 1937 году по 58-й статье, так ни слуху и ни духу.

Уважаемый, Василий Андреевич, я был у Алтышева Аркадия Михайловича и читал Ваши статьи, узнал о Голубевых. Ведь мы были с ними друзья детства, вместе переносили ужасы и мучения ссылки. Вот и Аркадий Алтышев совершенно слепой и без правой руки вернулся с фронта. Мы с ним очень долго вели разговор и вспоминали о тяжелом прошлом нашего детства.

Василий Андреевич, я написал как мог, может быть что-то и пригодится для Вашей благородной работы, а если нет, то не обижусь. С уважением к Вам, Безверхов Иннокентий Кузьмич.

Мой адрес: 6300360.

г. Новосибирск-36. Ул 2-я Портовая № 4, кв. 139.

1990-й год.

*Из поэта краеведа
Новокшенова В.А.*